

ДЕТЕКТИВ

С ОГОНЬКОМ

Татьяна Луганцева

И целый мир
ПРОТИВ!

Детектив с огоньком

Татьяна Луганцева

И целый мир против!

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

И целый мир против! / Т. И. Луганцева — «Издательство АСТ»,
2019 — (Детектив с огоньком)

Молодая, умная, красивая, в самом расцвете сил – женщина-мечта! Чешский аристократ, следователь Лебедев, бизнесмен Мартин и еще парочка крутых парней потеряли голову от любви к великолепной Яне Карловне Цветковой и оказались у ее стройных ног. Похоже, к армии поклонников очаровательной дамы примкнул и самый настоящий миллионер – хозяин похоронного бюро, живущий в южном городке. Лучшая подруга Яны уговорила ее встретиться с новым поклонником, и тут случилось ужасное – Цветкова угодила в самую настоящую ловушку. Теперь она не может покинуть этот кошмарный город, да еще и влюбленный миллионер испарился без следа...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Луганцева Т. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Луганцева

И целый мир против!

© Т.И. Луганцева, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Яна Карловна Цветкова родилась в творческой семье. Мать Яны всю свою жизнь посвятила искусству, она служила актрисой в провинциальном Театре юного зрителя. Преданная Мельпомене до мозга костей ведущая актриса театра добросовестно до пенсии играла зайчиков, лисичек, Маму-козу и Бабу-Ягу.

Это была невысокая стройная женщина, как говорится, обаятельная и привлекательная. Многие артисты обращали на симпатичную артистку внимание, поэтому осталось загадкой, что ее привлекло в неразговорчивом хмуром театральном рабочем-плотнике. Люди они были абсолютно разных жизненных устремлений, но за то небольшое время, что прожили вместе, у них родилась дочка Яна.

Девчонка лицом уродилась в молчуна-отца, а вот характером пошла в боевую и целеустремлённую маму. Росла она за кулисами, знала всех работников театра – от заслуженных артистов до уборщиц, и все нянчились с ней, называя «дочерью полка».

Главный режиссёр, шутя, пророчил ей великое театральное будущее. Да, талант, несомненно, у девчонки просматривался – она была артистична, обладала приятным голосом недурно танцевала и имела кураж, необходимый людям творческих профессий.

Девочка еще очень хорошо рисовала, учительница по рисованию говорила, что у нее художественные задатки. Но Яна, насмотревшись на закулисы всей этой богемной жизни, решила не ходить ни в театральный институт, ни в художественный. Ей претили обильные винные возлияния артистов, после которых Спящая красавица из сказочного спектакля превращалась в пьяное Чудовище.

Конечно, на психику маленького ребенка это производило неизгладимое впечатление. Яна твёрдо решила, что должна получить серьёзную, основательную профессию, поэтому выучилась на врача-стоматолога. Но эмоциональное восприятие мира и артистический талант остались при ней, не столько помогая, сколько мешая в жизни.

Окончив институт Яна открыла небольшую стоматологическую клинику под названием «Белоснежка» и занялась частной практикой. Сотрудники у нее были люди проверенные, специалисты высшей квалификации, пациенты записывались на месяц вперёд.

Бизнес был небольшой, но доход стабильный, расширять свое предприятие Яна категорически отказывалась, так как боялась рисковать, ведь она отвечала за весь коллектив.

Яна не считала себя крутой бизнесвумен, поначалу ей помогал Ричард Алисов, её третий муж, который владел крупной фирмой. Вот он ее кое-чему и научил. Яна могла спокойно в нужный момент обратиться к нему по любому вопросу, и он всегда давал ей обстоятельный и дельный совет.

Яна была яркой, нестандартной женщиной не только внутренне, но и внешне. Голубоглазая, остроносая, высокая и худая, она носила туфли на шпильках, вызывающе-броские наряды, в которых преобладали кислотные цвета, наносила на длинные ногти неожиданные орнаменты, любила крупные дизайнерские серьги, броши и кольца. Причем, надо заметить, украшала себя не бижутерией, а золотом и драгоценными камнями. Ресницы Яна покрывала тушью так густо, что порой казалось удивительным, что она может открывать глаза. У нее были обесцвеченные до белизны длинные волосы до талии, которые она часто собирала в конский хвост, но иногда распускала по плечам.

Броская внешность и порой экстравагантное поведение не всегда служили ей верную службу. Любители приключений мужского пола слетались к ней как пчёлы на мёд, но госпожа Цветкова всегда могла дать достойный отпор наглецам.

Конечно, Яна выглядела как новогодняя елка, но меньше всего Цветкову волновало чужое мнение. Ей всегда было наплевать, что думают о ней окружающие. Главное, это то,

что она испытывала истинное удовольствие, когда ловила на себе заинтересованные мужские взгляды.

А мужским вниманием Яна не была обделена никогда. В семнадцать лет она выскочила замуж за Юрика, своего первого мужчину, потому что просто пожалела его. Получив отказ Яны на предложение выйти за него замуж, Юрик чуть было не покончил с собой, так как не мыслил жизни без своей своенравной зазнобы.

Яна всё-таки через некоторое время уступила, и они отправились в ЗАГС, но, как водится, из этой затеи ничего путного не получилось, и вскоре они разбежались, не имея друг к другу никаких претензий. Каждый пошёл по жизни своей дорогой и на своём пути Яна, на беду, повстречала парня, в которого втрескалась по уши. Звали его тоже Юрий, но на этом сходство с ее первым мужем заканчивалось.

Юрий был старше Яны, намного опытнее в житейских делах и не чурался тёмных делишек. Вряд ли он любил Яну, но на определённом отрезке жизни она была ему нужна. Цветкова же, влюбившись в первый раз, приняла сексуальное влечение за безумную любовь и не слушала умных советов своей многоопытной матери. Мучения Яны не закончились даже тогда, когда Юрий после долгих мучений бросил ее и уехал в другую страну. Оставшись одна, Яна поставила на своей великой любви крест и зареклась еще когда-либо влюбляться.

Через какое-то время Юрий, узнав, что бывшая жена должна получить весьма привлекательное наследство, попытался вернуться к ней и даже убить, чтобы завладеть состоянием, но у него ничего не вышло. Бандит получил тюремный срок, а Яна причитающееся ей наследство.

После всех этих приключений Яна решила сбавить обороты в любовных делах, так как эти два несчастных брака её кое-чему всё-таки научили.

Правда, оставалась она одна не очень долго. Познакомившись при весьма интересных обстоятельствах с вдовцом Ричардом Алисовым, Яна тут же позабыла о своём обете одиночества и со словами «Бог Троицу любит!» пошла с бизнесменом под венец.

А познакомились они в... море, куда Ричард приехал на прощание со своей женой. Случилось так, что Яне пришлось лечь в гроб вместо покойницы, на которую она была чрезвычайно похожа, так как тело усопшей нельзя было показать безутешному вдовцу. Вскоре они с Ричардом стали жить вместе.

Третий муж оказался человеком степенным и обстоятельным, к тому же он очень любил Яну. И мама Яны, и ее лучшая подруга Ася уверили Цветкову, что более достойную партию той не найти. Их слова оказались пророческими, потому что именно Ричард и помог Яне начать собственное дело и открыть клинику.

У пары родился сын Владимир, но вскоре и этот брак дал трещину. Яна безумно заскучала в сытой размеренной и привычной до мелочей супружеской жизни. Скука всё больше и больше овладевала ее мятущейся и жаждущей приключений душой, и она поняла, что если не выпрыгнет из семейного болота, которое засасывало всё глубже и глубже, то сойдёт с ума или сотворит что-нибудь такое-этакое... о чем потом горько пожалеют не только она, но и близкие ей люди.

Яна разошлась с Ричардом, и они некоторое время жили, ничего не зная друг о друге, их объединял только общий ребёнок. Шло время, и Яна поняла, что совершила ошибку, разойдясь с третьим мужем, – и вышла замуж за него же в четвёртый раз!

И тут она встретила очередную любовь, настоящего князя, потомка древнего рода, живущего в Чехии, – Карла Штольберга. Яна в очередной раз развелась с Ричардом и посвятила себя отпрыску знатной фамилии.

Их роман длился много лет, но чувства были убиты не бытом, а стечением необоримых обстоятельств. Карл не мог покинуть Чехию, потому что занимал важный государственный пост. Яна же не собиралась покидать Россию. Штольберг требовал, чтобы Яна родила ему наследника, иначе его древний княжеский род прервётся.

Яне было уже сорок, она не собиралась вновь становиться матерью. К тому же ей не хотелось жить в фамильном замке с чопорной прислугой, переодеваться к завтраку, обеду и ужину, принимать высокопоставленных гостей и вести пустые светские разговоры у горящего камина за чашкой чая. У нее было свое дело, она руководила стоматологической клиникой и была чрезвычайно увлечена своей профессией, с которой ей пришлось бы непременно расстаться.

По опыту своих предыдущих замужеств Яна понимала, что синица в руках, в виде ее клиники, гораздо надёжнее журавля в небе, в виде благородного чешского князя, который не привык ни с кем считаться.

К этому времени Ричард Алисов женился на скромной женщине Людмиле, и у них появился ребёнок. Людмила души не чаяла в своём супруге, окружила его заботой и вниманием и Яну перестала мучать совесть, что она в очередной раз бросила достойного человека.

Яна не могла создать со Штольбергом семью, это было невозможно. Их встречи становились всё реже и реже, и вскоре она объявила князю, что им надо расстаться.

Казалось, что Штольберг, узнав о неминуемом разрыве, даже вздохнул с облегчением – долгая связь со взбалмашной женщиной вконец измучила его.

А вот Яна, приняв это решение, не до конца была уверена, что поступила правильно и не совершила страшную очередную ошибку. Она поверяла свои сомнения матери и ближайшей подруге Асе, с которой дружила с трёх лет, а порой даже плакала в подушку. Жила она теперь с сыном и домработницей Агриппиной Павловной, которой поверяла все свои тайны.

Князь Карл Штольберг недолго предавался унынию и вскоре женился на девушке из знатного рода, которую выбрала ему матушка. Ровно через девять месяцев у именитой пары появился наследник. Штольберг был на седьмом небе от счастья. Но недолго. Скоро он всё чаще и чаще стал вспоминать свой роман с потрясающей, поразительной и великолепной женщиной, которая круто в определённый момент изменила его жизнь.

Неожиданная встреча с Яной вновь потрясла Карла, он внезапно понял, что готов бросить к ногам этой женщины всё своё нынешнее благополучие. Штольберг снова сделал Яне предложение, но Цветкова в который раз отвергла его, напомнив, что у князя, потерявшего от страсти голову, есть обязательства перед его семьёй. Штольберг долго переживал встречу с Яной и поклялся навеки забыть бывшую возлюбленную.

Цветкова, в свою очередь, с головой ушла в работу. Дела клиники занимали всё её свободное время, она не знала ни дня, ни отдыха, работала двенадцать часов в сутки. Поздно ночью Яна приходила домой, тяжело вздыхая, обводила взглядом просторную квартиру, целовала сына, ужинала стаканом кефира, падала в кровать и мгновенно засыпала, словно проваливалась в чёрную бездонную яму, чтобы проснуться ровно в семь утра по звонку будильника. И снова она мчалась в клинику в красном «пежо», нервно застревая в бесконечных пробках.

Конечно, зная незаурядный характер Яны трудно предположить, что мужчины навеки исчезли из ее жизни. Короткие и необременительные романчики время от времени украшали ее жизнь. Цветы, подарки, ужины в ресторанах и кафе, долгие разговоры по телефону, поездки за границу на пару дней – разве от такого можно отказываться? Кавалеры менялись чуть ли не каждый месяц, как вдруг Яна повстречала Мартина Вейкина, в прошлом сотрудника спецслужб и крутого парня. Кудрявый кареглазый красавец под два метра ростом с широченными плечами и обаятельной улыбкой сразил Яну наповал. Мартин был далеко не дурак и обладал потрясающим чувством юмора. Яна поняла, что в очередной раз погибла. Она влюбилась как кошка: до потери пульса, страстно, до умопомрачения, и не могла ни о ком думать, кроме как о своём ненаглядном Мартине.

У Мартина был сын Петя. Марию, девушку, которую Мартин встретил в ранней молодости, он не любил. Ребёнок на некоторое время связал их, но оформлять официальные отношения Мартин с Марией не стал, хотя сына не бросил и помогал Марии материально.

А женился Мартин, как водится, совсем на другой и, как всегда, неожиданно. Милая хрупкая Настя быстро забеременела, и пара стала готовиться к появлению младенца.

И тут случилась беда...

Настя пропала, исчезла без следа, и Мартину объявили, что она погибла. Мартин чуть с ума не сошёл от горя и стал сторониться людей. Его мать, Стефания Сергеевна, привлекла лучших психотерапевтов и вытянула сына из затяжной депрессии. Он снова вернулся к жизни, но от бывшего весёлого парня не осталось и следа. Прошло шесть лет, у него появилась Яна.

Яна растворилась в своей любви без остатка, она готова была жизнь отдать за любимого, и Мартин наконец проникся ее чувством и ответил на всепоглощающую любовь подруги. Вскоре должна была исполниться заветная мечта Яны – они с Мартином решили пожениться, но тут...

Так уж получилось, что Яна своими руками освободила законную жену Мартина из лап маньяка, который держал ее в плену все эти годы. Анастасия тронулась умом, была очень больна и беспомощна. Мартина снова стали терзать невыносимые мысли, что он так легко поверил в гибель любимой женщины, не искал её все эти годы, отдал на страшные муки...

Яна исчезла из жизни Мартина, понимая, что ему нелегко сделать выбор. Разве он мог бросить беспомощную женщину, променять на здоровую и благополучную? Насте требовались дорогое лечение, длительная реабилитация. Яна чувствовала себя в этой ситуации ужасно, не знала, что ей предпринять, и металась, словно загнанный зверь в клетке, не видя смысла в своей вдруг ставшей несчастной жизни. Она избегала встреч с Мартином, не отвечала на его звонки.

Мартин от навалившихся бед стал сам на себя не похож и ходил, словно тень.

Стефания Сергеевна, которая очень привязалась к Яне и уже рассматривала ее как будущую невестку, решила круто изменить ситуацию: разорвать порочный круг несчастий своего сына и оторвать Яну от губительных мыслей.

Но не только мать Мартина решила поддержать Яну. Давний друг Яны следователь Виталий Николаевич Лебедев оказался рядом с ней в трудную минуту. Он как мог утешал Яну, и вскоре его старания заметила бдительная Стефания Сергеевна. Наблюдательная дама решила действовать.

Рано утром, надев шляпку и новую кофточку, Стефания Сергеевна для решительного разговора направилась в юридическую контору, где трудилась Ася Юрьевна Кудина, верная подруга Яны Цветковой.

Пройдя без очереди в ее кабинет и назвав себя, она сразу взяла быка за рога:

– Мы, вы и я, как самые близкие люди, должны помочь Мартину и Яне. Согласны?

– Согласна, – ошеломлённая от такого натиска ответила Ася. – Но я не знаю как...

– Ситуация тупиковая. Наша задача заключается в том, что мы должны помочь им встретиться. Им надо поговорить, выяснить отношения. Согласны?

– Согласна, – кивнула Ася.

– Надо подумать, как организовать их встречу...

– Хотите чая? – спросила Ася, чтобы немного прийти в себя и обдумать ситуацию.

– Да. Благодарю вас, – ответила Стефания Сергеевна и улыбнулась.

Ася подошла к шкафу, вынула две чашки и пачку печенья. По дороге включила чайник.

– Яна такая упрямая, если что решила, то всё... – сказала Ася. – Потом, почему мы за них решаем? Может быть, им лучше не видеть друг друга и не трепать себе нервы?

– Вы так считаете? Разве мой сын и ваша подруга счастливы? Разве они сами могут найти выход из тупиковой ситуации?

– Нет...

– Вот и ответ! – Стефания Сергеевна победно улыбнулась. – Надо сделать так, чтобы они увиделись, вот и всё... Не вижу никаких трудностей. Вы пригласите Яну в заранее обговорён-

ное место якобы для важного разговора, а я устрою так, что туда вместо вас придёт мой сын. Они встретятся. Им придётся выяснять отношения. У вас ответственная миссия, дорогая.

– Куда я Яну должна доставить? – спросила Ася, наливая госте чай. – И под каким предлогом?

Стефания Сергеевна секундочку многозначительно помолчала, пригубила чай и улыбнулась.

– В один южный морской городок.

– Куда? – округлила глаза Ася. – В какой ещё городок?

– В обыкновенный. Под названием Приморск.

– Господи, где это? Почему не к вам в Питер? Вы же в Санкт-Петербурге живете?

– В Санкт-Петербург ваша подруга сейчас точно не поедет, заподозрит подвох. А вот на юг... Скажете, что у вас там знакомые, якобы зовут отдохнуть недельку. Понимаете, душенька, в Приморске нашей семье когда-то принадлежал большой дом. Можно даже сказать, поместье с угодьями. Советы землю отобрали, дом приватизировали и качественно довели до полной разрухи. В этом году, как бывшие владельцы, мы получили уведомление, что можем получить дом обратно, но только в том случае, если отреставрируем его, так как он является памятником архитектуры, а денег на его капремонт нет. Так что есть надежда вернуть семейное имущество, но, правда, только с психами.

Ася чуть не разлила чай от удивления.

– К-какими психами?

– А что вы, душенька, удивляетесь? Дом большой, просторный. Парк со столетними дубами. В этом доме были санаторий для партактива, пионерский лагерь, закрытое учреждение, прости господи, с сауной... Устанешь перечислять. В данный момент там районная психбольница, она же, по совместительству, дом престарелых. Живут там выжившие из ума старики, которых туда за нехилые деньги устроили родственники, или они сами устроились, отдав за это свои квартиры. Стариков в больнице сейчас мало... Надо их куда-то пристроить и заняться ремонтом. Мартин готов свои деньги вложить. Мечтает сделать там санаторий. Ему это для Насти важно. Она жила бы там под южным солнцем. Для ее переломанных костей это полезно. Группа волонтеров помогает старикам, и за это они бесплатно проживают в усадьбе. Вот и вас поселим со всеми удобствами, а уж будете помогать или нет... – не суть. Вы у меня там не по этому вопросу! – подмигнула Стефания Сергеевна.

Ася восторга дамы явно не разделяла. Перспектива уговорить Яну ехать на российский курорт казалась ей нереальной. Цветкова-то была избалованным человеком, она жила с Карлом Штольбергом в его историческом замке и путешествовала по Европе, побывала почти на всех курортах. А сейчас ей предстояло остановиться даже не в отеле, а в доме для сумасшедших...

Нет, зная Цветкову, можно было предположить, что ей эта затея может понравиться, а в дурдоме она еще и за свою сойдет... Но вот вряд ли ей понравится наблюдать, как Мартин трогательно ухаживает за своей женой, хоть ее и жалко.

– Там же будет Мартин и... его супруга? – все же высказала свои опасения Ася.

– Я понимаю о чем вы... Но это даже хорошо! Яна увидит, в каком Анастасия состоянии, и поймёт, что можно считать Мартина свободным мужчиной. Ревновать не стоит... Увидит, что мой сын относится к жене с заботой и нежностью, но только как к сестре, как к ребенку. Поймет, что любит он её, Яну.

– Вы считаете, что эта афера может получиться? – недоверчиво уточнила Ася.

– Я обещаю! Я же хочу всем только добра.

– Хорошо, я попробую, – пообещала Ася. – Я тоже желаю подруге счастья.

Яна неожиданно легко согласилась на предложение подруги, но сообщила, что поедет не одна, а со своим новым женихом – следователем Виталием Николаевичем Лебедевым. Яна

явно пыталась выбить «клин клином», а может устала быть одна... Кто знает, что взбрело в ее блондинистую головку?

Ася это решение не одобрила, а посчитала большой ошибкой. Яна много ошибалась в своей жизни, и это будет её прокол в очередной раз. Но делать было нечего, и план Стефании Сергеевны приняли к действию.

Цветкова собрала чемоданы и отправилась с Виталием Николаевичем на вокзал.

Но Яна была бы не Яной, если бы у неё всё шло гладко и по заранее разработанному плану. Её умение влипать во всевозможные неприятности можно было бы занести в книгу рекордов Гиннеса.

Только по дороге на юг она несколько раз отставала от поезда, несколько раз рисковала жизнью. Когда они с Лебедевым добрались до Приморска, за ними уже гнались наркомафия и полиция, а всем местным жителям были розданы их фотографии. Их разыскивали как преступников.

Мартин встретил Яну на берегу горной речки, в ущелье разыгралась настоящая драма. Один из преступников выстрелил в Яну, и Мартин закрыл ее своим телом. Они не успели даже поговорить. Яна бросилась к любимому, Мартин очнулся на мгновение и сказал: «Я ни о чем не жалею». Ранение оказалось очень серьёзным, Мартин не приходил в себя. Тогда Яна, решив, что он умирает, бросилась делать ему искусственное дыхание и нажимать двумя руками на грудную клетку. При этом из раны вырывался кровавый фонтан.

Яна, наверное, доконала бы его, если бы ее не оттащили силой. Когда за ними прилетели спасатели на вертолёт, Яна с ног до головы была в крови Мартина. Прибывшие вместе со спасателями полицейские надели на нее наручники и напрямую доставили в участок. Мартин попал в больницу, и за его жизнь боролись врачи.

Следователь скоро разобрался с этим делом и отпустил Яну.

Глава 2

Яна Цветкова вместе со Стефанией Сергеевной, которую вызвали телеграммой, сидели в коридоре городской больницы Приморска. Больница находилась в крайне запущенном состоянии: неровный линолеум на полу был вытерт до основания и во многих местах прорван, коричневая краска на стенах облупилась, лампы горели через одну и пахло в коридоре почему-то кислой капустой, хлоркой и мокрыми тряпками.

Яна с матерью Мартина ждали результата операции уже восемь часов. За эти долгие часы ожидания Яна не проглотила ни кусочка, только пила воду из кулера. Каждая секунда томительного ожидания отдавалась болью в душе и сердце. У Яны онемели мышцы лица от напряжения.

Яне было неловко смотреть в глаза матери Мартина. Ведь это из-за нее сейчас ее сын находится на волосок от смерти. Но Стефания Сергеевна держалась очень мужественно и сохраняла полное спокойствие. Она обняла Яну за плечи.

– Девочка моя, надо верить, что всё будет хорошо. Я знаю, что говорю. Мартин у меня парень крепкого здоровья и большого сердца, он выкарабкается. Он нужен и мне, и Насте. Бог не заберет его к себе сейчас, – сказала она и вытерла глаза платочком.

– Вы мужественная женщина, – вздохнула Яна.

– Я давно его знаю... Не поверишь, с самого рождения, – даже попыталась пошутить Стефания Сергеевна. – Мартин постоянно за кого-то заступался, спасал... Он выбрал очень опасную профессию. Был ранен несколько раз, находился в плену, где его сильно изувечили, – сорвался до сих пор спокойный и монотонный голос матери. – Следы от ожогов и глубокие шрамы до сих пор стоят перед глазами.

– Боже... – выдохнула Яна.

– Да, Яночка, я уж насиделась в больничных коридорах в томительном ожидании. Я человек бывалый.

– Стефания Сергеевна, Мартин закрыл меня своим телом! Эта пуля была приготовлена для меня. Он бросился ко мне и кажется, что я даже ощутила тот момент, когда пуля вонзилась в него. Я этого никогда не забуду! Я так его люблю! Стефания Сергеевна, я так долго искала человека, который понимал бы меня, как понимает Мартин. Я считала, что исчерпала свои силы любви, что больше никогда и никого не полюблю, но судьба распорядилась иначе – я встретила вашего сына. Господи, только бы он выздоровел! Пусть даже мы будем не вместе, а пойдём по жизни каждый своей дорогой, пусть! Я прошу у Господа только здоровья для него, пусть он будет счастлив даже без меня... – Яна заплакала.

Стефания Сергеевна похлопала ее по руке.

– Ну-ну, душа моя! Успокойся. Всё наладится, Мартин поправится. Всё снова будет хорошо.

В больницу пришли Ася и Виталий Николаевич. Открывая тяжёлую дверь в вестибюль, Ася продолжала говорить:

– Ты видел, что с ней творится? Яна бледная как смерть, словно окаменевшая... Я так боюсь, Виталий... Если Мартин не выживет, она умрет...

– Господи, Ася, что ты говоришь? С какой радости? Она взрослая женщина. Мы рядом...

– Яна в душе ребенок!

– У нее у самой сын, – напомнил Виталий Николаевич, помогая Асе снять плащ.

– Янка скажет, что она плохая мать. Я ее никогда не видела в таком состоянии! Яна шепчет только одно: она, видите ли, дышит, пока бьется его сердце, – заплакала Ася.

– Подожди, пойдем на лестницу, я покурю, – попросил взволнованный Виталий Николаевич. – Что говорит врач?

– Пока ничего конкретного... Ранение тяжёлое, – ответила Ася.

На лестничную площадку вышла дежурная медсестра. На белом халате у нее был бейджик с надписью «Елена».

– Огоньку не найдется? – спросила она.

– Сколько хотите! И сигареты есть! – вызвался Виталий Николаевич.

– Спасибо. Вы к раненому?

– Да, мы его друзья.

– Скажите, а высокая блондинка тоже с вами? – спросила медсестра, закуривая.

– Да... А что случилось?

– Слава богу, ничего. Просто, странная она какая-то...

Ася поймала себя на мысли, что не курила двадцать лет и вот стоит на больничной лестнице с сигаретой в зубах и клубях канцерогенного дыма.

Виталий Николаевич, словно прочитав ее мысли, вынул из ее пальцев сигарету, загасил и бросил в урну, полную окурков.

– Не надо тебе курить.

– Да я так... Задумалась что-то, – ответила Ася.

Медсестра Елена вздохнула и стряхнула пепел с сигареты.

– Не нравится мне что-то ваша подруга. Я, конечно, не психиатр, но тут и ежу понятно, что у нее сильнейший стресс. И если ее не вывести из этого состояния, то это плохо закончится...

– Да мы это и сами видим, – кивнул Виталий Николаевич. – Что вы предлагаете? Мы можем быть полезны?

– Ну, какая от вас помощь? Положение критическое, – отвела несколько затуманенный взгляд Елена.

– Что вы имеете в виду? – выдохнула Ася, прижимая похолодевшие ладошки к груди.

– Знаете, вашу подругу лучше увести домой. Здесь ей не место. Ей самой требуется врачебная помощь. Она в пограничном состоянии. Она должна поспать и успокоиться. Напоите вашу подругу горячим чаем, накапайте валерианки, укройте пледом... Иначе кончится всё нервным срывом.

– Это мы тоже понимаем! Но как это сделать? Легко вам говорить! – выпустил струю дыма Виталий Николаевич, который курил уже вторую сигарету. – Яна Цветкова – самое упрямое существо на свете, которое я знаю...

– Так я сейчас принесу вам капельки успокоительные, подождите минутку... – Елена скрылась за дверью, ведущей в больничный коридор.

Виталий Николаевич переглянулся с Асей и тяжело вздохнул:

– Да, медсестра права, Яне требуется помощь.

Елена вернулась, передала ему пузырёк с каплями и попросила не откладывать дело в долгий ящик.

Виталий Николаевич попросил у Елены пакетик заварки и чашку, налил из кулера горячей воды, заварил чай, накапал в него успокоительных капли и напоил Яну.

Наступил день свадьбы, который Яна ждала так долго...

От счастья у нее кружилась голова и сохло во рту. Она чувствовала себя очень слабой, ноги и руки почему-то плохо слушались, и какие-то незнакомые люди носили ее из комнаты в комнату на руках. Яна была им очень благодарна, но не понимала, что происходит. Яну посадили перед зеркалом, и она увидела, что на ней белое свадебное платье, которое походило на

ночную рубашку. Подошла какая-то женщина, но вместо того, чтобы наложить Яне макияж, стала протирать лицо мокрой прохладной тряпочкой.

Холодные капельки потекли на шею, Яна вздрогнула и застонала.

– Яна, Яна, очнись! – услышала она словно через плотный слой ваты, но не смогла открыть глаза.

Незнакомые люди столпились вокруг нее, ей было трудно дышать и хотелось вырваться от них и бежать, бежать... Но руки и ноги не слушались, она не могла пошевелиться, на грудь словно навалили что-то тяжёлое. Сердце от страха было готово выскочить из груди. Внезапно словно сильный порыв ветра разметал страшную картину, окружающие исчезли, а в комнату вошел Мартин под руку с Настей. Яна почувствовала, что происходит что-то неотвратимо страшное, от ужаса она заledenела и закричала:

– Мартин! Мартин, я здесь! Это я твоя жена!

Но Мартин не слышал крика, она кричала беззвучно и не могла пошевелиться. Он улыбался Насте, и та отвечала ему счастливой улыбкой. Мартин притянул Настю к себе, и их губы слились в страстном поцелуе.

– Не-ет!!! – завопила Яна, пытаясь встать со стула, но ноги не слушались ее. – Мартин, не-ет!!! Это я, я твоя жена, а не Настя!!!

Мартин не слышал крика и словно уплывал, удалялся вдаль, таял в сумраке, печально улыбаясь...

Рядом с Яной возник незнакомец и взял ее за руку:

– Что ты орёшь? – спросил он. – Успокойся!

Яна с трудом разлепила глаза. Она увидела белый в трещинах потолок и облупившиеся стены, повела рукой и поняла, что лежит на кровати. Яна с трудом приподнялась, села, свесив босые ноги, и огляделась по сторонам.

Она сидела на больничной койке, вместо простыни под ней была клеёнка. Окно было забрано решёткой, рядом с кроватью стояла тумбочка, чуть поодаль небольшой стол. У противоположной стены притулилась еще одна кровать. Рядом с Яной находился пожилой человек в спортивной куртке и штанах – фирменной одежде всех мужчин, находившихся в больничных палатах.

– Где это я? – хрипло спросила Цветкова. – В морге, что ли?

– Ну, зачем же так мрачно, – усмехнулся незнакомец.

К его руке была игла от капельницы, за штатив которой он и держался. Выглядел мужчина плохо – редкий седой пушок на голове, землистый цвет лица и бросающаяся в глаза болезненная худоба.

– Хотя как посмотреть... – сказал он. – Это почти морг... Хоспис. Тебя привезли на каталке, положили. Я удивился – такая молодая, такая красивая, но болезнь косит всех. Странно, что тебя положили ко мне, я ведь всё-таки мужчина, а ты женщина. Совсем с ума сбрендили. Или нас уже и за людей не считают, как ты думаешь?

– Ничего я не думаю, – ответила Яна, запустив руку в свои взлохмаченные волосы. – Мне наплевать. Господи, как голова кругом идёт...

– Ты, наверное, снотворное или успокоительное выпила... С него всегда потом не по себе, – вздохнул сосед по палате и, подтянув капельницу, сел на свою койку.

– А с вами что? – спросила Яна.

– Боли у меня сильные, но оно и понятно с моим-то диагнозом! Я здесь не лечусь уже, а так... доживаю...

– Сочувствую вам, вот только ничем помочь не могу, – вздохнула Яна, вспоминая о своей главной миссии на земле – узнать о здоровье Мартина. – Как же я заснула? Как же я могла? Теперь я не знаю, что с моим любимым! – запаниковала она. – Как я сюда попала? Как мне вернуться в больницу? Я ждала результата операции и вдруг оказалась здесь...

– Больница – это отдельное здание, – ответил мужчина. – А хоспис соединен с моргом, мы вот на отшибе.

– Как мило! – удивилась Яна. – Так как же мне отсюда выйти?

– Я бы на твоём месте без спроса не уходил, – покачал головой старик. – Попадёт тебе. Если принесли сюда и положили, значит, придут. А будешь буянить, то ещё снотворного вколуют!

– Что значит «вколуют»?! – возмутилась Яна. – Я, вообще-то, не пациентка! Я здесь случайно.

Настало время удивляться старику.

– А выглядишь как пациентка. Видела бы ты себя в зеркале – страшилище!

– Да? Неужели? А зеркала тут нет? – оглянулась Яна по сторонам – Жаль... Но наплевать... – она попыталась встать, но ее повело в сторону. – Ого!словно морская качка! И голова какая-то дурная... – Она увидела туфли под кроватью и надела их. – Слава богу, одежду не отобрали, а то металась бы сейчас в одной рубашке.

Она направилась к двери.

– Ну и куда ты пойдешь? – спросил старик.

– Я должна узнать, что с моим другом. – Яна, держась за стенку, дошла до двери и оказалась в коридоре. – Прощайте!

– Зря ты это... – вздохнул старик.

Яна двинулась по тускло освещённому коридору налево и упёрлась в закрытую дверь. Она пошла направо и снова оказалась перед неодолимой преградой к свободе. В коридоре стояла мёртвая тишина и не было ни души. Пришлось вернуться в свою палату.

– Черт возьми! Замуровали просто... – сказала она, сядя на жёсткую клеёнку. – Отсюда есть вообще выход?

– Боюсь, что только через морг, – ответил старик и, понизив голос, добавил: – Я бы не советовал тебе делать то, что не рекомендуют делать медицинские работники... Здесь, детка, строго. Сказано – лежать, значит, лежи...

– Я вас услышала. Как вас зовут? – спросила Яна.

– Григорий Васильевич.

– Яна. Очень приятно. Послушайте, Григорий Васильевич, я хочу отсюда выбраться. Где морг?

– Ох, и упрямая же ты женщина! – покачал он головой. – Спускайся по лестнице в подвал и держись правой стороны, там будет морг, через него и выйдешь. А покойников не боишься?

– Я? – удивилась Яна. – Нет, конечно... Я сама врач... в некотором роде.

– Это в каком роде?

– Да врач, я врач... Детский стоматолог, – пояснила Яна.

– Ладно, иди с богом. Если меня спросят, куда ты девалась, то скажу, что спал и ничего не видел.

– Спасибо вам, – сказала Яна, открыла дверь и предприняла вторую попытку оказаться на свободе.

От железной двери морга на Яну повеяло холодом. Она тихонько открыла дверь и заглянула в помещение. Как ни странно, но в морге было темно. Конечно, даже если там и были клиенты, то им свет уже был не нужен, но вот Яна на ощупь передвигаться там не хотела.

«Значит, и здесь персонала нет... словно вымерли все», – подумала Яна и вздрогнула. Дверь за ней захлопнулась, и она очутилась в полной тьме. Она на что-то наткнулась, вроде бы на стол, затем на шкаф, обо что-то стукнулась, что-то свалилось на пол и с грохотом покатилось.

Яна замерла, словно боялась быть пойманной, хотя ничего противоправного не делала.

Всё стихло, в морге стояла стылая тишина, и тут Яна ясно услышала глухой стук и сдавленный крик. Это было так страшно и неожиданно, что у Яны волосы дыбом встали. В голове пронеслось: «Ой, мамочки, что это?» – Она прижалась к ледяной стене, боясь услышать стук собственных зубов. Через пару секунд Яна решила, что крики и шум борьбы ей послышались, она приняла неизвестное лекарство и теперь у нее галлюцинации.

И вдруг стук повторился! А потом раздались сдавленные крики и отчаянное бабаханье по чему-то металлическому.

Яна осторожно двинулась на звук, нащупывая руками стену, и вскоре поняла, что идёт мимо холодильных камер, в которых находятся трупы. Стук и крики раздавались уже почти рядом, как вдруг внезапно вспыхнул ослепительный свет, и Яна зажмурилась, прикрыв глаза рукой.

– Ты слышишь? Всё еще шумит... – услышала она.

В ответ посыпалась нецензурная брань.

Яна открыла глаза и в мгновение ока метнулась под металлический стол, с которого свисала белая простыня. Она подтянула простыню пониже и затихла в этом укрытии.

Перед ее глазами появились две пары мужских ног в темно-зеленых медицинских брюках и медицинской обуви. Дальше события развивались по сценарию криминального фильма с элементами ужасов.

– Слышь, Сашок, заткни его! – рявкнул один.

Одни ноги исчезли из поля зрения Яны. Раздался лязг выдвигающегося ящика и нечеловеческий вопль:

– Что же вы делаете, ироды?! Живого человека заживо хороните! Помогите!..

– Так ты еще живой?! Давно сдохнуть должен был! Сам себе удовольствие продлеваешь! Не хочешь тихо-мирно отойти в мир иной. Так мы с Геннадием Дмитриевичем тебе, дружок, поможем! – ответил, видимо, Сашок.

– Я всё понял! Всё понял! Хлопцы, отпустите меня, я больше не буду просить эти чертовы лекарства! Все вам пойдут! Я буду терпеть! Я терпеливый, боль легко переношу! Выпустите меня! – умолял, судя по голосу, пожилой мужчина.

– Слушай, не грузи ты меня! Одни обещания! Ты своими стонами нервируешь нас, сотрудников! А заведующий отделением может по твоим стонам заподозрить, что «тиграм в зоопарке не докладывают мяса». Вы и так все скоро коньки отбросите, зачем вам наркота? Возникнут вопросы, а оно нам надо? У нас с Сашком и так работа нервная, зачем лишние волнения? Если кто-то из больных помрёт, так туда ему и дорога, вряд ли будут вскрытие делать! Рак тебя съел или сердечко от болевого шока надорвалось – нам наплевать. Опять же вскрытие мы сами будем проводить, сами и причину смерти определим, понял?

Геннадий Дмитриевич довольно захохотал. Видимо, он был юмористом, а по сути – наркоманом, ворующим лекарства у людей, которым препараты облегчали течение болезни!

Яна, скрючившись под металлическим столом, слушала этот разговор и думала, что ей в этой ситуации предпринять. Может быть, заорать, выскочить из-под стола и вылететь в дверь? Пока бандиты придут в себя, она убежит. Нет, не пойдёт, её в миг схватят... Так что же делать, что?..

В это время старика выволокли из металлического отсека и попытались уложить на стол. Старик отчаянно отбивался, но сил у него явно не хватало.

– Пустите меня, сволочи! – орал он. – Я вам так этого не оставлю, вы ещё сгниёте в тюрьме, паразиты!..

– Сашок, принеси лекарство, – сказал Геннадий Дмитриевич. – Сейчас этого дебошира утихомирим. Надоел, гад. Давай, давай, шевели лапами, а то не ровен час сюда кто-нибудь зайвится и нас спалят.

– Не надо! Пожалуйста! Отпустите!.. – умолял старик.

– Заткнись! А то в тыкву получишь!

Старик на минуту затих.

Хлопнула дверь – Сашок ушёл за лекарствами.

Яна поняла, что, скорее всего, бедного старика сейчас прикончат. И совершат это преступление в её присутствии и при её попустительстве. Этого допустить Яна просто не могла! Она судорожно пыталась хоть что-нибудь придумать, но в голове была пустота, причём после лекарства её ещё и подташнивало. Но делать что-то явно было нужно, только вот что?..

Старик вновь активизировался и принялся взывать к совести бандита. Но тот только вяло отбрюхивался, не обращая на мольбы несчастного ни малейшего внимания.

Послышались быстрые шаги – это вернулся Сашок. Яна осторожно высунула нос из-под простыни и застыла от ужаса. Сашок держал в руке шприц с каким-то лекарством.

Старик тоже увидел оружие убийства и заголосил что было сил.

Геннадий Дмитриевич навалился на него, пытаясь зажать бедняге рот.

– Чего стоишь?! Давай, коли! – закричал он.

Сашок на секунду замер, соображая, как половчее воткнуть смертоносную иглу в отбивающуюся жертву.

Яна поняла, что ее час настал! Она молнией выскочила из-под стола, схватила руку Сашка, в которой находился шприц, и со всего размаха всадила иглу в мягкое место главаря.

– Ты что?! Ты что делаешь?! Придурок! – заорал Геннадий Дмитриевич, оборачиваясь и на секунду отвлекаясь от своей жертвы.

– Это не я! – кинул шприц на пол Сашок, переводя взгляд то на свою руку со шприцем, то на растрёпанную тётку с перекошенным лицом, невесть откуда взявшуюся.

– Это кто? – закричал главарь. – Ты откуда взялась, гадина?!

Яна поняла, что лучший способ защиты – это нападение. Она гордо откинула лохматую голову и ответила:

– Доставка витаминов. Я всё слышала! Убить этого пациента я вам не дам. Вам конец.

Она посмотрела на спасённого старика и удивилась. Несчастный был мужчиной среднего возраста, правда, худым, изможденным и со старческим скрипучим голосом.

– Да ты кто такая? Откуда взялась? – подступил к Яне Геннадий Дмитриевич.

Яна выдержала его огненный взгляд, не отступила.

– Эта дамочка навещала раненого с огнестрелом. Ей стало плохо, ее положили в хоспис на кровать, других мест не было, – пояснил Сашок, задвигая пустой шприц ногой под стол, явно пряча улики.

– С огнестрелом? Ого! Что, красotka, совесть замучила? Небось, сама его и приговорила?.. Караулит, чтобы первой добраться до него и успеть уговорить, чтобы не подавал заявление в полицию. Знаю я таких пассажиров!

– Бегите... – прошептал мужчина, которого хотели убить.

– Вставайте, мы уходим, – повернулась к нему Яна.

– Стоять! – гаркнул Геннадий Дмитриевич. – Ты что, не поняла, что подписала себе смертельный приговор?

– Это ты не понял, господин доктор, возмнивший себя вершителем судеб. Я вколола тебе то, от чего должен был умереть этот человек. Это тебе надо бежать в реанимацию и спасать свою жизнь! – зашипела Цветкова, пронзая негодяя взглядом.

Глядя на нее, невозможно было подумать, что она умирает от страха. А она умирала.

– Дура ты! – ухмыльнулся Геннадий Дмитриевич. Сразу понятно, что в голове одни опилки. Доза этого препарата опасна для сердца слабого и больного человека, а мне этот укол как мертвому припарка! Ну, дорогуша, что дальше хочешь предпринять? Даже интересно...

– А что я должна предпринимать? Пойду в полицию, по вам давно тюряга плачет. Опишу в красках, как вы тут, голубчики, пациентов приговариваете!

– О как! Смелая, да? Да мы сейчас тебя... Сашок, держи эту стерву! Замочим обоих!.. – И бандит попытался схватить Яну, но та ловко увернулась.

Сашок бросился ей наперерез, но Яна изо всех сил толкнула на него металлический стол, и Сашок от резкого удара в живот свалился на пол, задрал ноги.

– Ах ты, гадина! – завопил он, вставая на четвереньки и пытаясь очухаться после удара. – Да я сейчас тебя по стенке размажу!..

– Размажешь, если поймаешь... – ответила Яна, пытаясь открыть заклинившую дверь и выскочить в коридор.

Сашок, словно ягуар в прыжке, прыгнул на нее и схватил за длинные волосы. Яна завизжала и вцепилась ногтями ему в лицо. Сашок пронзительно заверещал и с размаху стукнул ее головой о кафельную стенку. В глазах Яны вспыхнули огненные звезды, но она нашла в себе силы и снова вцепилась в нападавшего с хриплым выдохом:

– Ах ты сволочь!..

Сашок попытался отодрать от себя руки Яны, но она впилась как клещ, выпуская дикие вопли, пинаясь и царапаясь, а ногти у нее были как бритвы. Сашок еще раз с размаху ударил ее головой о стенку.

Ноги у Яны разъехались, и она тяжело осела на пол, почти теряя сознание. Не успел белый свет потухнуть в ее ясных очах, как она увидела, что Сашок тоже начал мягко осаживаться на пятую точку рядом с ней. Яна подняла затухающий взор и увидела, что это старик хрюкнул Сашка по голове металлическим лотком и теперь стоит, держась рукой за сердце и переводя дыхание.

Не успела она порадоваться перевесу сил в битве, как сам Григорий Васильевич получил от Геннадия Дмитриевича по черепу биксом с медицинскими инструментами и растянулся на полу рядом с Сашком.

Яна сжалась в комок, понимая, что теперь ей помощи ждать неоткуда и пощады просить не приходится. Геннадий Дмитриевич победоносно улыбнулся и, держа в руках тяжелый бикс, шагнул к ней, явно с намерением и ей врезать по башке. Яна в ужасе закрыла глаза, готовясь достойно встретить последнюю минуту в своей жизни, и... услышала слабый стон.

Перед взглядом ошеломленной Яны предстала такая картина: у ее ног в разнообразных причудливых позах валялись три мужика, два из которых были в белых медицинских халатах.

Видно, смертельный препарат, приготовленный для беззащитного пациента, все-таки подействовал на хорохорившегося главаря преступной группировки, и он потерял сознание.

– Ой, мамочки... – пропищала Яна, у которой от ударов о стенку голова шла кругом и в глазах мелькали черные мушки. – Мамочка родная, что это...

Она наклонилась к Григорию Васильевичу и пощупала пульс. С пульсом было всё в порядке. Яна подошла к раковине, набрала в какую-то плошку холодной воды и стала брызгать ему в лицо. Мужчина открыл глаза и слабо застонал. Яна помогла ему приподняться и сесть.

– Спасибо, – прошептал Григорий Васильевич, утирая мокрое лицо рукавом. – Ты спасла меня от смерти... Благодарю...

– Ну что вы... – мило улыбнулась Яна. – Если что, всегда обращайтесь.

Она помогла ему встать на ноги и отвела в кабинет главного врача, куда незамедлительно были вызваны полицейские. На бандитов надели наручники и сопроводили в следственный изолятор. Григория Васильевича после всех приключений положили в отдельную палату, а Яна отправилась к Мартину.

Глава 3

В палате Мартина находился его лечащий врач Борис Моисеевич. Яна подошла к кровати и посмотрела на любимого. Глаза его были закрыты, ресницы бросали тени на высокие скулы, грудь ровно поднималась.

«Господи, какое счастье, что он остался жив!» – подумала Яна, боясь расплакаться от избытка чувств.

– Добрый день, – сказала она, улыбнувшись врачу. – Как у больного дела?

Врач сделал какую-то отметку в своём блокноте и повернулся к ней.

– Здравствуйте. Состояние средней тяжести. Делаем всё возможное, чтобы он как можно скорее встал на ноги. Доставили раненого вовремя, кровопотеря большая. Но, как говорится, повезло – парень крепкий, сердце здоровое. Не волнуйтесь, я думаю, что всё будет нормально.

– Спасибо, доктор! Я очень на вас надеюсь! А можно мне у него подежурить несколько дней? Ну, пожалуйста... – умоляюще посмотрела на врача Яна.

– Вот никому бы не разрешил, а вам отказать не могу, – согласился Борис Моисеевич. – Вы же героиня! Помогли обезвредить банду, орудующую у нас в больнице...

Яна удивлённо подняла брови.

– А вы и не ведали, что у вас творится?

– Интересный вопрос... Я заведу хирургическим отделением. Знаете, у меня забот полон рот, только успевай поворачиваться. Стараюсь, чтобы мое хозяйство было в полном порядке, а это, поверьте мне, очень и очень трудно и ответственно. Я отвечаю за каждого больного и за каждого сотрудника. Честно говоря, я не лезу в дела других отделений. Думаю, меня можно понять. Каждый должен отвечать за то дело, которое ему поручено, и не залезать в чужой огород. Ну, вы понимаете...

– Конечно, понимаю, – сказала Яна, усаживаясь на стул рядом с кроватью Мартина. – Но ведь это же бандиты! Уголовники! Куда сотрудники смотрели, начальник морга?

– Знаете, вам легко рассуждать, – вздохнул врач. – Вы не в теме трудностей патолого-анатомического отделения. Давайте не судить строго и не делать скоропалительных выводов. С этим делом разберутся те, кому это положено. Следовательно с вами беседовал?

– Да. Распрашивал меня и очень подробно, – улыбнулась Яна. – Как видите, оставил на свободе. – Настроение у неё улучшалось с каждой минутой.

– Я с вашего разрешения откланяюсь, – сказал доктор и вышел из палаты. Его ждали больные в других палатах.

Яна осталась наедине с Мартином. Он спал, а она сидела рядом с ним и не могла отвести глаз от его бледного лица.

Она улыбнулась, вспомнив, как отругала Асю и Лебедева, напоивших её сильнодействующим успокаивающим средством. «Ну вы и гады, – сказала она им. – Но сегодня у меня хорошее настроение, поэтому убивать вас я не буду. Хотя очень хочется! Надо же придумать: уложить меня спать в таком месте! Как вам только в голову такое пришло?» – «А что тут страшного? – ответил Лебедев. – Между прочим, это не мы сами придумали, а нам один врач из хирургии посоветовал. Коек-то свободных в отделении нет, а ты мензурку успокаивающего хлопнула и на пол стала сползать. Отрубилась, короче говоря. Ну, и куда тебя было девать, не на полу же в коридоре бросить? Где была койка, туда тебя на каталке и транспортировали. Думали проспиться, придёшь в себя, тебе полегчает...» – «Вашего медработника-советчика привлечь бы вместе с теми бандитами, что я обезвредила! Такое посоветовать! Да мой мозг отключить от жизни насильно – сродни убийству!» – «Человечество бы отдохнуло, – не согласился с ней Виталий Николаевич. – Не сердись, любимая, я шучу. Мы же просто хотели, чтобы ты пришла в себя после случившегося». – «Ну что с вами поделаешь? Как говорится – благими намере-

ниями вымощена дорога в ад. Ведь меня запросто могли там укокошить. Я была на волосок от гибели. Я одна, безоружная, а против меня два здоровенных мужика!» – «Мы хотели как лучше», – вздохнула Ася. – «Никогда! Слышите?! Никогда не надо меня пичкать никаким снотворным. У меня должно быть ясное сознание. Ну, потеряла бы сознание, потом нашла – дело-то житейское. А вы вот что надо мной учудили!»

Друзья Яны покаяться и разъехались по своим делам, а она отправилась к Мартину.

Веки Мартина дрогнули. Он открыл тёмные ввалившиеся глаза и увидел перед собой Яну. Некоторое время он смотрел на неё, явно приходя в себя. Постепенно глаза Мартина ожили, в них затеплился огонёк, и он слабо улыбнулся.

– Янка... – прошептал он бескровными губами. – С тобой все хорошо?

– Со мной лучше всех! – бодро ответила Яна, стараясь незаметно отвернуться, чтобы он не заметил синяка на лице, который образовался, после того как её несколько раз приложили головой о кафельную стенку в морге.

Мартина она расстраивать не хотела. А что бы она ему сказала? Что «ты меня закрыл собой от пули, но меня это не спасло, потому что мои лучшие друзья накачали меня снотворным и отнесли в логово медицинских беспредельщиков»?

– Я очень рад тебя видеть, – сказал Мартин, а Яна невольно посмотрела на экран монитора, к которому он был подключен. Там мигало сердечко с цифрами пульса. Так вот, когда Мартин спал, эти мигающие цифры показывали в пределах 65–70, а вот сейчас они вдруг увеличились до ста.

– Я не знаю, зачем ты это сделал, но большое тебе спасибо. Тебя ведь могли убить. А я что бы делала после этого? – сбивчиво сказала Цветкова.

– Ты бы жила за нас двоих, – ответил Мартин.

– Так! Прошу вас выйти! У больного сейчас процедуры. – В палату вошла медсестра, тащившая за собой капельницу. – Всё, всё! Не нарушайте правила посещения! Покидаем палату! Сейчас сделаем укольчик, – повернулась медсестра к Мартину, – и прокапаемся! Будете скоро как огурчик. Уходим! – строго посмотрела она на Яну, явно давая понять, кто в палате хозяин.

Уже стоя в дверях, Яна послала Мартину воздушный поцелуй, и тот слабо улыбнулся ей в ответ.

Глава 4

Яна наконец-то смогла разместиться в своём номере в главном особняке усадьбы. Комната была оформлена в стиле солнечного «прованса», сочетающего в себе простоту, единение с природой, романтику и отголоски французского прошлого.

Раздался стук в дверь и на пороге комнаты появилась Ася. Она внимательно осмотрела комнату подруги и отметила, что её номер гораздо больше, правда, у неё нет балкона.

– Балкон у тебя замечательный, – позавидовала Ася, шире раздвигая шторы. – Тебе повезло с размещением.

– Да будет тебе, – ответила Яна, вынимая вещи из чемодана и раскладывая их по полкам шкафа с большим зеркалом. – Ну, зачем тебе балкон? Белье сушить? Так здесь белье меняют раз в неделю, мне Стефания Сергеевна сказала.

– Да? Как это мило с ее стороны. Но всё-таки балкон – это классно. С ним как-то просторнее, что ли. Кажется, что воздуха больше.

В дверь деликатно постучали.

– Войдите! – крикнули подруги почти одновременно.

В комнату вошёл улыбающийся Виталий Николаевич с бутылкой шампанского и букетом симпатичных ярко-жёлтых цветочков.

– Девочки, – сказал он, – предлагаю отметить наше новоселье.

– Замечательно! – воскликнула Яна и повернулась к подруге. – Поддай мне, пожалуйста, вон ту вазочку. Вода, кажется, есть в графине.

Она вынула из бара фужеры, которые быстро наполнились пенным напитком. Как только бутылка опустела, Лебедев собрался закурить.

– Ну, нет! – воспротивилась Яна. – Этого ещё не хватало! У нас не курят! Иди к себе в номер и дыми сколько хочешь.

Лебедев покорно встал и отправился в соседний номер, который находился рядом с номером Яны. Он вышел на балкон и вскоре до обоняния Яны дошёл запах его табака. Она тоже вышла на свой балкон и облокотилась на перила.

– Зачем ты куришь, Виталий?

– Прости, но привычка сильнее меня. Курение меня успокаивает.

– Вот как? А почему ты, собственно говоря, так разволновался? В чём причина?

– Меня раздражает убранство моего номера. Розовые обои, зеркало в аляповатой раме, картинки с кошечками на стенах, покрывало на белой постели с позолотой тоже в жутких огромных тюльпанах. А ванная комната... Это вообще конец света. Безвкусица сплошная.

– Да? – удивилась Яна. – А мне моя комната нравится. Стильно и элегантно. Наверное, в доме есть комнаты с разными интерьерами, для постояльцев с разнообразными вкусами. Тебе, дорогой, не повезло. Но, знаешь, кошечки на стенах – это не самое плохое. Бывает и хуже. Потерпи, может, привыкнешь... – хмыкнула она.

– Что делать, придётся терпеть, – согласился Лебедев. – Что не выдержишь ради любви... Даже лебедей на ковриках...

Яна решила увести разговор от опасной любовной тематики в сторону.

– Слушай, а чем ты решил заниматься? – спросила она.

– В смысле «заниматься»?

– Ну, не купаться же, пить и загорать мы сюда приехали, – сказала Яна. – Мы вроде как волонтеры и должны помочь Стефании Сергеевне.

– Ах, да... Чёрт! Забыл совсем. Ну что скажут, то и буду делать, – почесал затылок Виталий Николаевич.

– А что ты умеешь? – продолжала допытываться Яна.

– Да так... всего помаленьку... Я сообразительный, – махнул рукой Виталий Николаевич. – Мусор могу выносить, посуду мыть... Я много чего умею! А хочешь, я к тебе махну? Могу перелезть через эту загородку! – И он собрался перекинуть ногу через оградку, разделяющую балконы.

– Успокойся.

– Не хочешь, значит? Ждёшь, когда окончательно очнётся твой спящий принц, чтобы упасть в его объятия? А ведь кто-то обещал выйти за меня замуж... Не помнишь, кто?

– Я тебя не обманываю, – несколько смешалась Яна. – Причём тут Мартин?

– Неужели ты думаешь, что, если бы я оказался на линии огня, я бы тебя не прикрыл? Просто Мартину повезло, и он смог это сделать для тебя.

– Ты в своем уме? Человек был на грани жизни и смерти... Повезло ему... Тоже скажешь!

– Я знаю, какие чувства ты к нему испытываешь, но я тоже не отступлю. В этом деле каждый за себя, благородство не прокатит. Ты знаешь, я человек не подлый и никогда ничего недостойного себе не позволял, но за любовь я буду бороться. В любви, говорят, все средства хороши, – обдал ее сигаретным дымом Лебедев.

Яна разогнала дым рукой.

– Я столько лет тебя знаю, но ты не перестаешь меня удивлять.

Она увидела, как изменилось лицо у Виталия Николаевича. Он потянулся к ней, наклонился вперёд, перенося свой вес на изящные перила, то есть ограждение балкона, желая её поцеловать. А вот Яна, чисто инстинктивно, отпрянула от него. И в следующий миг лицо Виталия Николаевича рухнуло вниз, впрочем, вместе с Виталием Николаевичем. Раздался оглушительный обвальный звук, словно взорвалась бомба, и поднялось облако пыли. Яна посмотрела вниз и ничего не увидела, кроме груды обломков, раньше называвшихся балконом. Часть стены тоже отвалилась и погребла под собой несчастного Виталия Николаевича. Теперь вместо изящного балкона из кирпичной кладки торчали железные обломки острой арматуры.

– Твою... – недоговорила Яна и метнулась из комнаты в коридор.

На пороге она лоб в лоб столкнулась со Стефанией Сергеевной.

– Яночка, деточка, я к тебе на минутку...

– Простите, мне надо... – Яна даже слов не могла подобрать.

– Я задержу тебя на секундочку! Сейчас уже ухожу! Хочу предупредить, что на балкон лучше не выходить, потому что они хлипкие и старые. Могут не выдержать.

– Очень вовремя! – ответила ей Яна. – Спасибо за предупреждение! – крикнула она, протиснувшись между Стефанией Сергеевной и косяком двери в коридор. Она рванула по коридору к лестнице.

Яна очень надеялась, что, рухнув с балконом со второго этажа, Виталий всё-таки останется жив. О его здоровье она даже не думала. И её желание сбылось, правда, наполовину.

Когда аккуратно растащили мусор и освободили Лебедева, Яна отметила, что он, припорошённый строительной пылью с головы до ног, удивительно напоминает атланта, которые обычно держат на собственных плечах балконы строений позапрошлого века. К радости Яны «атлант» тихо стонал и моргал красными воспалёнными глазами, значит, был жив!

Прибывшая карета «скорой помощи» доставила пострадавшего в ту же больницу, где лежал Мартин.

В приёмном покое врач диагностировал возможные переломы рёбер, трещину в ноге и многочисленные ссадины и ушибы.

Стефания Сергеевна, которая чувствовала свою вину, умоляла дежурного врача:

– Положите его в лучшую палату! Я обо всем договорюсь. Очень вас прошу! Я знакома с заместителем главного врача Любовью Петровной!..

– Успокойтесь, дамочка, не надо так волноваться. Уложим, вылечим... – отвечали ей.

Лебедева осторожно посадили в кресло-каталку, чтобы отвезти на рентген. Но он явно не терял присутствия духа и даже шутил:

– Слушай, Янка, я навернулся с балкона, как могла бы ночью рухнуть Джульетта, внимавшая сладким словам Ромео. Похож я на Джульетту?

– На Франкенштейна ты будешь похож, когда тебя в гипс закуют и бинтами укрутят, – ответила Яна.

– Ты наведишь меня? Или ты только к Мартину приходишь?

– Не морочь мне голову, – строго ответила Яна. – Конечно, навещу. Давай, выздоравливай скорее, у нас тут дел полно.

Санитар выкатил коляску с Лебедевым в коридор.

– Нехорошо получилось, – покачала головой Стефания Сергеевна. – Знаешь, в нашей больнице врачи хорошие, а вот кормят здесь... мягко говоря, не очень. Пойдём домой, блинчиков напечём. Любишь готовить?

– Я? – растерялась Цветкова. – Наверное, люблю...

На самом деле кулинария была не её стихией. Вершиной кулинарного творчества Яны могли быть только подгоревшая яичница, переваренные сосиски или превратившиеся в крутом кипятке в комки теста, развалившиеся пельмени.

Стефания Сергеевна как-то странно посмотрела на Яну.

– А как же ты выходишь из положения? У тебя же ребенок есть...

Яна смутилась, но решила не сдаваться.

– Да, ребёнок у меня есть. Но также есть домработница Агриппина Павловна, которая божественно готовит. Сын просто обожает её стряпню, а она балует его разнообразными кушаньями. Может показаться странным, но отец Володи тоже неплохо готовит, когда сын гостит у него. Так что для меня этот вопрос неактуальный...

– Я тебя ни в коей мере не осуждаю, я так... удивляюсь. Все женщины хоть как-то, но готовят. Всё! Забыли! – ответила Стефания Сергеевна. – Я, кстати, хотела тебя предупредить, чтобы сильно ночами ты не шумела.

– А почему я должна шуметь ночами? – не поняла Яна.

– Ну, мало ли... Дело молодое... Подруги, друзья... Пятое... десятое...

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Я не вампирша, по ночам привыкла спать. Будьте спокойны.

– Ты не обижайся, не обижайся... Под твоим номером находится комната Насти, а ей покой необходим, – пояснила Стефания Сергеевна. – Ладно, пошли домой. Надо передачку собрать нашим больным.

Через два часа, нагруженные сумками с разнообразной едой и соками, они постучались в кабинет заместителя главного врача больницы Любови Петровны.

– Как там наши пострадавшие? – спросила мама Мартина.

– Ваш сын и больной Лебедев? Гражданин, упавший с балкона? – спросила Любовь Петровна.

– Вернее, вместе с балконом, – уточнила Яна.

– Состояние стабильное. Обоим прописан полный покой. Слава богу, у Лебедева рёбра целы, только сильные ушибы. Нога, правда, повреждена, надели на голеностоп лангету. Парень с юмором, шутит, что до свадьбы заживёт, – улыбаясь, ответила Любовь Петровна.

Яна ее восторга не разделяла.

– А увидеть его можно?

– Он в десятой палате.

– Это палата моего сына, – встрепелась Стефания Сергеевна.

– Это наша вип-палата. Вы же просили лучшую койку. Но, кстати, ваш сын Мартин был не против, что к нему подселили соседа. Сейчас тихий час, но вы можете навестить пациентов, – предложила Любовь Петровна.

Стефания Сергеевна и Яна прошли в нужную палату и увидели интересную картину. На двух сдвинутых кроватях сидели двое забинтованных мужчин. Между ними лежала доска с шашками.

– Она со мной будет... раз, два, – приговаривал Мартин, стуча шашками по игровому полю.

– Врёшь, не возьмёшь! Моя будет! – отвечал Виталий Николаевич и стучал шашками в ответ.

– Турнир на международное первенство? Вы на что играете? – спросила Стефания Сергеевна, подходя к игрокам.

– Он покушается на мою невесту, а я говорю, что Яна будет со мной! – ответил Виталий Николаевич, поворачиваясь к вошедшим и замирая на месте. – Яна? Яночка! Я...

– Эй, парни! – Яна подошла к столу и стала выкладывать продукты. – Вы что, меня в шашки разыгрываете? У вас что, у обоих травма головы? Я – почётный приз?

– Янка, я всё объясню, – встрепенулся Мартин.

– А не надо ничего объяснять! Всё понятно! Это же шутка такая? Правильно? Очень смешно! И кто ведет в счете? И ведь, что обидно: разыгрывают меня не в карты, ни в шахматы, а в шашки... Тьфу на вас!

Она собрала сумки и с гордо вскинутой головой покинула палату.

Выйдя из дверей больницы, она на лестнице столкнулась с каким-то мужчиной, хотела извиниться и проскочить мимо, но тот остановил её.

– Яна? Простите, я спрашивал о вас, хотел найти...

Яна мгновенно узнала Григория Васильевича, за которого так яростно боролась в морге с двумя негодьями.

– Здравствуйте, Григорий Васильевич! Рада вас видеть. Как ваше здоровье?

– Я хотел ещё раз поблагодарить вас за спасение. Вы такая смелая женщина! Если бы не вы, меня бы сейчас и не было...

– Пустяки! Живите, пожалуйста! А что вы здесь делаете? Вас выписали?

– Домой собрался. Вот дали кучу рецептов на обезболивающие препараты. Их можно и дома колоть. Попросили особо не распространяться о том, что здесь творилось. Ну, я пообещал. Понимаю, городок небольшой, конечно, все всё рано или поздно узнают, но не хочется, чтобы главный врач пострадал. Я с ним в дружбе, – пояснил Григорий Васильевич. – А вы куда? Что-то вид у вас неважнецкий. Как ваш друг? Поправляется?

– Да, спасибо! Простите, у меня настроение плохое. Не обращайтесь на меня внимания. Я спешу.

Но Григорий Васильевич не отставал.

– И куда же вы спешите, можно поинтересоваться?

– Мне надо для себя жильё подыскать. В том доме, где я остановилась, балкон с человеком рухнул, и вообще... – Яна полезла в карман за носовым платком.

– Ну, ну, не надо так, детка, расстраиваться, – погладил её по плечу Григорий Васильевич. – Услуга за услугу: вы мне жизнь спасли, а я вам могу предложить прекрасную комнату для проживания. И живу я один, места много. Яна, соглашайтесь. Идём?

Яна шмыгнула носом.

– А пойдёте! – согласилась она, не собираясь обижать человека. – Хотя вы не думайте, что я могу легко принять любое предложение. Я не такая легкомысленная. Просто... Просто я вам доверяю, хотя и вижу второй раз в жизни. Знакомство наше было интересным!

– Да уж... – вздохнул Григорий Васильевич. – Знакомство было удивительным.

– Я буквально к вам на недельку... Хочу удостовериться, что с человеком, которого люблю, всё хорошо. Улечу в Москву! Скажите, а вам я не сильно помешаю?

– Яночка, да о чём вы?! Я так счастлив, что могу оказать вам эту услугу! Вот, смотрите, и машину нам подали.

Он взял Яну за руку, помог спуститься по ступеням и подвёл к белому «мерседесу» последней марки.

Яна отметила, что рука у Григория Васильевича была холодная и какая-то слабая.

Из машины вышел шофёр и открыл заднюю дверцу.

– Прошу, – сказал он.

– Машинка у вас классная... – восхитилась Яна.

– Согласен, – ответил ей Григорий Васильевич. – Домой! – скомандовал он водителю, когда Яна села рядом с ним.

Через плавно закрывающееся стекло Яна увидела, что из дверей подъезда тяжело вышел Мартин. Он увидел, что она уезжает и попытался сойти к машине по ступеням. За ним следом выскочила медсестра и стала уговаривать его вернуться обратно. Мартин был бледен. Он неотрывно смотрел на Яну, и она читала в его глазах отчаяние. Ещё секунда – и она бы выскочила из белого «мерседеса» и кинулась к Мартину, но машина мягко тронулась и зашуршала шинами по подъездной дорожке из мелкого гравия к воротам больницы.

Яна откинулась на спинку сиденья из натуральной кожи цвета топлёного молока и тяжело вздохнула.

В ответ она тоже услышала тяжелый вздох и посмотрела на Григория Васильевича. Тот держался за бок.

– Вам плохо? – заволновалась Цветкова.

– Нет, ничего... Сейчас пройдёт... У меня бывает... – сказал он. – Сидеть пока тяжело, я всё время так... полулежу. Не обращайтесь внимания, я в порядке, как говорят в американских фильмах герои, когда на них падает метеорит.

Яна улыбнулась.

Григорий Васильевич улыбнулся.

– Вот и славно, – сказал он. – Всё будет хорошо, как в одноименном фильме. Я, видите ли, пока в больнице валялся, много фильмов посмотрел. Подковался, так сказать, по этой части. В машине есть бар. Сам-то я чуть-чуть могу себе позволить, но с вами обязательно выпью за знакомство. Не желаете ли шампанского «Дом Периньон»? – спросил Григорий Васильевич и попросил шофёра передать ему бутылку с этикеткой в виде рыцарского щита. – Замечательная вещь, скажу я вам. Каждый урожай винограда тщательно проверяется, он должен подходить как по вкусовым, так и по химическим характеристикам. Это элитный напиток, при создании которого спешка и неточности в приготовлении недопустимы. Вы знаете, выжатый виноградный сок хранят в дубовых бочках, выдержка составляет не менее семи лет, представляете? Ну а весь процесс производства напитка занимает как минимум десять лет. Как минимум! В связи с этим любое вино марки, даже самое молодое, обладает глубоким и непередаваемым вкусом. Сейчас сами попробуете.

Григорий Васильевич попробовал откупорить шампанское, но руки явно не слушались его.

– Упс! Виночерпий подкачал, – виновато посмотрел на Яну Григорий Васильевич. – До чего я дошёл, сам предложил даме шампанского, а сил открыть бутылку нет... Это фиаско.

– Дама это сделает легко, – ответила Цветкова, отмечая, что ее новый знакомый действительно неважно выглядит: лицо болезненное, под запавшими глазами мешки, лысый, кожа сухая и жёлтая, руки худые с узловатыми венами. – Я открою бутылку на счёт «три», – пообещала она и стала считать: – Ра-аз, два-а, три!

Раздался хлопок и шампанское заструилось в фужеры.

– Превосходное шампанское, – ответила Яна, пригубив напиток. – За ваше здоровье, Григорий Васильевич.

– Спасибо, – поблагодарил тот. – За знакомство. За вас, Яна! Вы просто прелесть! Я вами покорён! Вы оценили необычный вкус шампанского? Чувствуете? Это брут. Во вкусе соединились нотки малины, апельсиновой цедры и маринованного имбиря. А в запахе композиция из красной смородины, апельсина, земляники, какао и сена.

– А вы знаток вин? – спросила Яна.

– Да, я разбираюсь в хороших винах, – кивнул Григорий Васильевич. – Какую музыку вы предпочитаете? – спросил он.

– Знаете, я и в консерватории бывала, и попсу могу слушать, – неопределённо ответила Яна.

– А джаз? – уточнил Григорий.

– Прекрасно, – кивнула она.

– Валера, включи, – попросил он у водителя, и салон наполнился приятной джазовой мелодией.

– Красота! – закинула ногу на ногу Яна, расслабляясь. Дорогое шампанское, джаз и лимузин сделали свое дело.

– Так кого вы навещали в больнице? – спросил Григорий Васильевич.

– Не удивляйтесь, навещала двоих, – вздохнула Цветкова. – Один – мой любимый, а второй – жених...

– Эка как! – удивился Григорий Васильевич. – Бывает же такое... А зачем за нелюбимого замуж выходить?

– Обещала, – вздохнула Яна. – Любимый женат, а мой нынешний жених любит меня всю жизнь. Я ему столько крови попортила! Ужас! Одни неприятности от меня, он в майорах на долгие годы задержался...

– Ну, раз обещала... – улыбнулся Григорий Васильевич. – Слово надо держать.

– Григорий Васильевич, расскажите мне, пожалуйста, о доме, в котором была психиатрическая лечебница.

– А зачем это вам?

– Интересно! Я столько всего слышала, а вот разобраться что к чему не могу.

– Понятно. Ладно, расскажу вам сказочку. Поместье это графское. Владел им один злодей-людоед. Титулованный мерзавец. Столько людей погубил – не счесть. Был трижды женат, но первую жену забил до смерти, после того, как она чуть пофлиртовала на балу с каким-то военным. А она была на сносях, ребёнка выкинула после избиения, да и сама умерла – повесилась в крестьянском овине, не вынесла мучений. Граф женился второй раз, но жена всё никак не могла ему подарить долгожданного наследника. Он поначалу терпел, не бил её, но вскоре терпение у него лопнуло, и забил он бедняжку до смерти. Конечно, о том, что он зверь лютый все знали, но поделаться с графом ничего не могли, а он бил и правого, и виноватого, руки у него были по локоть в крови. Шло время, наследник был нужен, и женился граф в третий раз. Взял вдову с сыном, уверенный в том, что она ему тоже родит. Время шло, а наследника всё не было. Стал он и третью супругу мордовать, но за мать пасынок вступился. Расправа с ним была короткой – отправили парня в армию, а воинская повинность тогда была двадцать пять лет. Говорят, графиня с горя то ли удавилась, то ли утопилась, короче, покончила с собой. А тут случилось, так, что крепостная Татьяна забеременела от графа. А у Татьяны был жених, только он был послан на обучение в Петербург, но должен был скоро вернуться. Татьяна эта с ума сходила от страха, но граф, если она родит здорового мальчика, пообещал ей вольную, и она смирилась. Тут вернулся ее жених после обучения и увидел любимую в таком положении. Напился с горя и пообещал порешить графа...

– Господи, страх какой... – прервала рассказ Григория Васильевича Яна, протягивая фужер, чтобы он снова наполнил его шампанским. – Просто фильм ужасов.

– Да уж... Жизнь была, не позавидуешь, – согласился Григорий Васильевич, наливая ей фужер до краёв.

– Мне плохо, – сказала Яна.

– Что с вами? – испугался Григорий Васильевич.

– Что-то я переволновалась сильно за эти дни. Такие ужасы сейчас слушать – это не для меня. Простите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.